

*Петербургские
судьбы*

*Аркадий Файвишевич Векслер,
краевед*

Забытый писатель Ю. Л. Слёзкин

В начале 1980-х годов мои поездки на заводы Научно-производственного объединения «Электрон» в Нальчик и Орджоникидзе (так тогда назывался Владикавказ – столица Северо-Осетинской АССР) стали постоянными: с освоением разработанных в Ленинграде изделий электронной техники росла потребность в контрольно-измерительном и испытательном оборудовании и обучении заводского персонала новым методам измерений, ремонта и проверки оборудования. У меня появилась возможность познакомиться с заводчанами не только в производственной обстановке, сходить вместе с ними в горы, расширить свои знания о Кавказе.

Заводские книголюбы подарили мне книгу Юрия Слёзкина «Шахматный ход». Сказать по правде, имя писателя тогда мне знакомо не было. Познакомиться с ним и с оценками его творчества помогла большая вступительная статья Ирины Ковалёвой¹.

Вечером, начав читать роман «Столовая гора», я понял смысл подарка: показать, каким был город в 1920-х годах, чтобы гость мог оценить преобразования столицы Северной Осетии. Чтение вызвало устойчивое впечатление об автобиографическом характере романа и желание больше узнать об его авторе, что и удалось сделать при первом же приезде в Москву, посетив Российский Государственный архив литературы и искусства. Там хранится большой личный фонд писателя Юрия Львовича Слёзкина, содержащий 430 документов: рукописи литературных произведений, автобиографии и библиографии, письма (более 150), паспорт 1941 года, фотографии, документальные материалы отца, Льва Михайловича Слёзкина и жены, Ольги Константиновны Кузьминской². В первую очередь стал понятен круг общения Ю. Л. Слёзкина: М. П. Арцыбашев, Ф. Н. Берг, В. Я. Брюсов, С. А. Венгеров, С. М. Городецкий, Л. Я. Гуревич, Д. Н. Крачковский, М. А. Кузмин, Л. В. Никулин, Л. М. Рейснер, А. М. Ремизов, А. С. Рославлев, П. Б. Струве, А. Н. Толстой, Г. И. Чулков, И. И. Ясинский (до 1917 года); С. П. Бородин, М. А. Булгаков, Л. С. Вивьен, А. Л. Волынский, И. Е. Всеволожский, В. П. Катаев, А. И. Куприн, И. Ф. Масанов, Д. М. Стонов, М. С. Шагинян (1919–1945). Документами, которые мне удалось прочесть в первое посещение архива, были автобиография³ и письмо Слёзкину М. А. Булгакова (незамедлительный ответ последнего на письмо от 27 августа 1923 года)⁴. Конечно, я был далеко не первый их читатель: в карточках использования документов фамилии более 20 читателей, в том числе М. Чудаковой, Ст. Никоненко и др. Да и первые ли это карточки?

По вступительной статье И. Ковалёвой из подаренной мне книги, выпискам из автобиографий (их в архиве оказалось целых девять!) и позже найденным источникам сложилась следующая биография писателя.

Юрий Львович Слёзкин родился 27 ноября 1885 года в Вильно (современный Вильнюс) в семье генерал-лейтенанта Льва Михайловича Слёзкина и Веры Георгиевны Эрдели. Отец, выпускник Пажеского корпуса в Петербурге, участник русско-турецкой кампании 1877 года, «был человеком разносторонних интересов. Обладая несомненной литературной и музыкальной одарённостью, он писал музыку, пьесы, серьёзно увлекался сценой, был почётным попечителем театров в Виленской губернии»⁵.

Мать Юрия Слёзкина, Вера Георгиевна Эрдели – старшая сестра генерала И. Г. Эрдели, женатого на племяннице Софьи Андреевны Толстой Марии Кузьминской, главноначальствующего на Северном Кавказе в июле 1919 – апреле 1920 года. Возможно, это обстоятельство послужило поводом для приезда Ю. Л. Слёзкина во Владикавказ в 1920 году. «Жизнь Веры Георгиевны протекала вдали от столиц, особенно после краха её семейной жизни с генералом Львом Михайловичем Слёзкинским. Узнав о длительной связи мужа с известной варшавской актрисой, Вера Георгиевна подала на развод. Дело приобрело скандальную известность. Слёзкин из гвардии в порядке наказания был переведен в жандармские войска. Вера Георгиевна, забрав маленького сына, на несколько лет уехала с ним во Францию. Поэтому так случилось, что у будущего русского писателя Юрия Львовича Слёзкина первым букварем был французский и первым языком, на котором он заговорил, был французский язык»⁶. Кроме установленного С. С. Никоненко дальнего родства Ю. Л. Слёзкина с Толстыми, отметим, что дяде нашего героя, начальнику Московского жандармского управления генерал-лейтенанту И. Л. Слёзкину принадлежит известная фраза: «Граф! Слава ваша слишком велика, чтобы наши тюрьмы могли её вместить», сказанная в декабре 1887 года Л. Н. Толстому в ответ на предложение писателя арестовать его вместо М. А. Новосёлова, издавшего без ведома автора гектографическим способом рукописную брошюру Толстого «Николай Палкин» о царствовании Николая I⁷.

С младенчества Юрий жил с матерью во Франции, а после развода родителей в 1892 году – в имении отца Илово Андреевской волости Полоцкого уезда Витебской губернии. Большая библиотека и литературная атмосфера в доме Льва Михайловича способствовали раннему приобщению Юрия к литературному творчеству: с восьми лет он начал писать стихи, а в 16-летнем возрасте были напечатаны его первые прозаические опыты (псевдоним Юрий Иловский).

В 1905 году Юрий Слёзкин поступил на юридический факультет Петербургского университета (до 1909 года он жил в квартире своего дальнего родственника, чиновника Государственной канцелярии титулярного советника Ивана Михайловича Слёзкина⁸ в доме 75 на Галерной ул., а в 1909–1910 годах – в квартире отца, поселившегося в 1909 году в доме 31-б на 12-й линии Васильевского острова). «Годы, проведённые в университете, были временем активной литературной и общественной деятельности: участие в студенческих

Портрет 1927 г.

выступлениях, в студенческой фракции социал-демократов (большевиков), редактирование альманаха “Грядущий день”. В нём в 1907 году будущий писатель опубликовал свою первую повесть “В волнах прибоя”. Альманах с крамольной повестью конфисковали, а вольнодумного автора приговорили к году заключения в крепости “за оскорбление войск и призыв к бунту”⁹. Повесть вызвала резкую реакцию со стороны любимого автором Александра Блока, который в статье «О реалистах» написал: «... длиннейшая повесть Ю. Слезкина... На помощь призваны все сюжеты, все темы живых и умерших стилей: есть “остекляневшие глаза”, и “тонкой нотой рвался крик”, и “электрические солнца”, и “...мелкая, мелкая, будто бы «чеховская» наблюдательность” и всё-таки на поверку оказывается еврейский погром. А в утешение “большие и яркие, как слёзы женщины, блестели далёкие звёзды”. И все пошли навстречу солдатам и показали мощь пролетариата»¹⁰. Впрочем, автор утешился тем, что аресту подвергнут не был.

В 1909 году Слэзкин организовал литературно-художественное содружество «Богема», собиравшееся у него по субботам. Здесь можно было встретить Давида Бурлюка, Сергея Городецкого, Алексея Толстого, Велемира Хлебникова, Сашу Черного, Бориса Эйхенбаума и др. Содружество просуществовало до 1911 года.

В 1910 году Юрий Слэзкин окончил университет, ознаменовав этот факт своей жизни изданием первого сборника рассказов «Картонный король» и повести «То, чего мы не узнаем», показав близким, что службе и научной карьере он предпочтёт карьеру литературную. «Картонный король» положительно оценен критиками. Михаил Кузмин писал: «Юрий Слэзкин, обладая несомненным дарованием, выступает без барабанного боя и не желает быть во что бы то ни стало новым и оригинальным. Нам это кажется очень успокоительным признаком, тем более, что мы не можем вспомнить ни одного русского автора, на кого бы г. Слэзкин походил. Эти крошечные миниатюры, всегда остро взятые, даже когда они реалистичны, имеют свою новизну и свое очарование. С удовольствием мы можем заметить, что язык рассказов 1908–1910 годов заметно проще и

крепче, чем таковой же отрывков, помеченных более ранними годами. Хотя многие рассказы («Дама в синем», «Госпожа», «Немой», «Новелла») имеют законченную и острую фабулу, но некоторые кажутся слишком подготовительными набросками. Характер свежести и некоторой капризности подчеркивается еще вступлением, романтическим и удачно задуманным, которое служит как бы внешней рамкой всей книги. Рассказы украшены художником Ващенко и изданы изящно»¹¹.

Первая значительная вещь Слёзкина повесть «Помещик Галдин» (1912) посвящена жизни провинциального дворянства. «В ней уже выработан художественный почерк Слёзкина, о котором Г. Адамович в парижской газете “Звено” (9 нояб. 1925) написал: “В нем привлекала его непринужденная легкость, чуть-чуть на французский лад, у нас довольно непривычная. Слёзкин никаких вопросов не решал и за особенно резким реализмом не гнался. Он рассказывал истории – бойко, занятно и даже довольно изящно”. Сходным образом выразил свое отношение к прозе Слёзкина и М. А. Булгаков: “Он знает души своих героев, но никогда не вкладывает в них своей души”. В этом жёстком отзыве есть правда, признаваемая за собой самим писателем. В 1930-е он размышлял: “...у меня нет стремления во что бы то ни стало рассказать о себе, вывернуться наизнанку перед читателем”»¹². Следующие крупные произведения появляются ежегодно: в 1913-м – «Роман балерины», в 1914-м – «Ольга Орг», самое популярное из дореволюционных произведений Слёзкина, экранизированное и выдержавшее более десяти изданий. В 1914 году Слёзкин начал работу над романом «Брусиллов», о чём свидетельствует подборка хранящихся в его архиве портретов А. А. Брусилова, Я. Г. Жилинского, Н. И. Иванова и других участников Первой мировой войны¹³. В 1913 году Ю. Л. Слёзкин поселяется отдельно от отца в доме 60-б на Большом проспекте Васильевского острова, о чём сообщает в редакцию адресной и справочной книги «Весь Петербург», где в следующем году появляется запись «Слезкин Юр. Льв, пот. двн... Писатель».

Приобретя известность в литературных кругах столицы, с осени 1914 по 1916 год Слёзкин возглавлял Клуб деятелей искусств «Медный всадник». Прошение о регистрации клуба было подано Слёзкин, Георгием Ивановым и Николаем Кузнецовым 19 октября 1915 года. Клуб просуществовал до февраля 1917 года¹⁴.

Об организации и работе клуба рассказал его секретарь актёр Лев Рубанов: «Прошло пятьдесят лет со времени основания в

С.-Петербурге Клуба деятелей искусств «Медный всадник», который начал свое существование осенью 1914 года. Он должен был бы оставить по себе какой-то след, а между тем нигде в мемуарной литературе не приходилось встречать упоминаний о нем. Революция стерла из памяти людей многое и более важное, чем клуб «Медный всадник», но все же долг последних современников напомнить об этом незаслуженно забытом явлении, которое имело место полвека назад. Мне пришлось быть секретарем этого клуба со дня его основания и до моего ухода на фронт в июне 1916 года, и почитаю себя обязанным рассказать о клубе то, что осталось в памяти. <...>.

Юрий Львович Слѣзкин пригласил меня однажды на собрание писателей и артистов вести запись высказываемых мнений. Собрание было посвящено вопросу необходимости создания в Петербурге литературно-художественного объединения, в которое вошли бы писатели – прозаики и поэты, крупные артисты, музыканты, композиторы. Горячо обсуждались вопросы, как назвать такое объединение, следует ли ему быть открытым для всех желающих, или надо строго ограничить круг участников и т. п.

В результате совещаний решено было создать «закрытый клуб деятелей искусств» и назвать его «Медный всадник». Председателем выбран был проф. К. Арабажин¹⁵, а вице-председателем – Юрий Львович Слѣзкин. Впрочем, впоследствии оказалось, что действительным председателем был Слѣзкин, а проф. Арабажин на вечера клуба почти не являлся. Секретарские обязанности в клубе так и остались за мной.

Эмблемой клуба решили взять изображение памятника Петру I работы Фальконе, и эмблема эта, по эскизу художника Мозалевского, окруженная витой надписью с названием клуба, была на бланках клуба. Экземпляр такого бланка случайно уцелел у меня и по сей день.

В обязанности секретаря входила рассылка повесток о времени и месте очередного «закрытого вечера» в клубе как его членам, так и приглашаемым иногда гостям, а также прием повесток у лиц, приходивших на «закрытые вечера». Без предъявления таких повесток никто на вечера не допускался.

Юрий Львович Слѣзкин <...> обычно заблаговременно запиской или по телефону сообщал мне о дне следующего «закрытого вечера», давал программу и список приглашенных гостей помимо постоянных членов.

«Закрытые вечера» эти происходили раз или два в месяц на частных квартирах – то у проф. Святловского¹⁶, то у проф. Степанова¹⁷ на Большой Пушкарской, на Петербургской стороне, то в квартире проф. Рейснера, на Первой линии Васильевского острова¹⁸, то в квартире самого Слёзкина, на Почтамтской¹⁹, а изредка в ресторане «Вена», где раздвигались стенки нескольких кабинетов, чтобы получился зал, способный вместить приглашенных. На таких «закрытых вечерах» писатели знакомили присутствующих со своими новыми произведениями, а композиторы предлагали на их суд свои²⁰.

В годы Первой мировой войны Слёзкин нашел регулярный заработок в издаваемом А. С. Сувориным журнале «Лукоморье», при котором в 1916 году было издано его трёхтомное собрание сочинений. «Были и ещё разные курьезы. Полное собрание сочинений Юрия Слёзкина, отпечатанное в “Сириусе” с необыкновенной роскошью, с гербами рода Слёзкиных на обложке. Была марка издательства, изображавшая безобразную кошку (“У лукоморья дуб зеленый...”) на цепи около пня. Кошку эту нарисовал Бакст за баснословный гонорар...», – вспоминал Георгий Иванов²¹.

«Казалось бы, к 1917 году Слёзкин подошел с опытом, позволяющим избрать твердую позицию в надвигающихся событиях, опытом, дающим право судить, “кто виноват”, – писал А. Ю. Арьев. – Так сначала и было. После Февральской революции его голос поднялся до пафоса, прежде небывалого. Предвосхищая и мысли, и слова Блока, Слёзкин писал за месяц до октябрьского восстания: “В страшную минуту народного гнева, когда за пороховым дымом можно было стать убийцей родного брата, – страж, тот, кто стоял у хранилищ народных культурных сокровищ, – русская интеллигенция – не сказала своего слова и – постыдно бежала, смеясь заодно со слепую чернью над разрушением и угодливо подкладывая поленья в костер, где коробились полотнища картин, символы народной (а не царской) мощи...”. Однако после октябрьских событий этот пафос надолго исчезает из речи писателя. “Подлинная революция была для меня полной ошеломляющей неожиданностью”, – признавался он. Реакция на события мирового размаха у него как у художника была какой-то странно заторможенной. Осенью 1918 в Петрограде он все еще отшлифовывал рассказы о русском поэтическом захолустье, об усадебной жизни, о “ситцевых колокольчиках”»²².

Будучи преследуем за экономические махинации, писатель покинул столицу, жил в Чернигове у отца, в Харькове, Владикавказе, а

по возвращении в Москву в 1922 году организовал кружок «Зеленая лампа»²³.

«Метания Слѣзкина во время Гражданской войны вполне понятны и объяснимы, – пишет С. С. Никоненко. – Он был писатель и больше ничего не мог делать. Он воспринимал происходящее как некое драматическое, театральное действо, творящееся на земле отечества. Он хотел его понять, описать и по мере своих сил, убеждений и способностей участвовать в нем.

Думаю, если бы он захотел, он бы переступил через себя и обратился бы к дяде, Ивану Георгиевичу Эрдели, с просьбой взять его с собой – секретарем, делопроизводителем или еще кем-либо. Но он никогда не хотел покинуть свою страну, даже в самые трудные минуты жизни (хотя за границей у него были и брат, и родственники по линии отца и матери – во Франции, в Бразилии, в Аргентине)»²⁴.

Короткий «черниговский и владикавказский» период жизни Ю. Л. Слѣзкина оказался весьма насыщенным: он включил женитьбу на молодой актрисе Ангелине Ивановне Жданович, рождение сына и сближение с Михаилом Афанасьевичем Булгаковым. Интересные сведения о жизни самого Слѣзкина во Владикавказе можно

почерпнуть из булгаковских «Записок на манжетах» и статьи С. С. Никоненко «Юрий Слёзкин и Владикавказ»²⁵.

Вернувшись в 1922 году из скитаний в Москву, Слёзкин значительное время потратил в поисках издательства, которое согласилось бы напечатать написанный им во Владикавказе роман (роман вышел в издательстве «Современные проблемы» в 1925 году под названием «Девушка с гор»; в последующих изданиях – «Столовая гора»²⁶). Обстоятельства жизни и черты главного героя романа, пылкого молодого литератора Алексея Владимировича, весьма напоминают о его прототипе Михаиле Булгакове. В то же время Слёзкин «завязывает отношения с русскими литературными кругами Берлина, возглавляет в мае 1922 года Московский филиал Берлинского художественного содружества “Веретено”, по декларациям “чуждого всякой политики”. Просуществовало содружество меньше года, несмотря на представительные имена с обеих сторон: Ив. Бунин, И. Лукаш, В. Сирин и др. – в Берлине, Е. Зозуля, Б. Пильняк, Вл. Лидин и др. – в Москве. В эти же годы (1922–24) Слёзкин постоянно печатается в берлинской “сменовеховской” газете “Накануне”. <...>. О произведениях 1920-х, близости с Булгаковым, Слёзкин сделал важную дневниковую запись: “...эти попытки... не имели в дальнейшей моей работе своего развития”. Но тут же оговорился: “Все же это, на мой взгляд, лучшее”.

В те же годы Слёзкин под псевдонимом Жорж Деларм публиковал авантюрные вещи, такие, например, как “Кто смеется последним” (1925) и др. В литературных баталиях он ни тогда, ни в более поздние времена участия не принимал, немного занимался театром, сделал, например, сценическую обработку пушкинской “Пиковой дамы”²⁷.

После 1930 года «Юрий Львович развелся с Ангелиной Ивановой, женился на её ближайшей подруге <Ольге Константиновне Кузьминской> и переехал в комнату этажом выше в том же доме.

Во время Великой Отечественной войны Ю. Л. Слёзкин обратился к темам патриотизма, писал о героях войны²⁸, не оставляя давно начатую работу над романом о генерале А. А. Брусилове, ставшим последним прижизненно изданным произведением писателя. Роман вышел с посвящением сыну писателя: «Льву Слёзкину, участнику Великой Отечественной войны, танкисту-орденоносцу – о войне моего поколения».

Юрий Львович Слёзкин умер в 1947 году в Москве, его прах покоится в колумбарии Новодевичьего кладбища.

Лев Юрьевич Слёзкин, сын Ю. Л. Слёзкина и А. И. Жданович, родился во Владикавказе 17 июня 1920 года. Булгаков с энтузиазмом приветствовал его рождение в своих «Записках на манжетах».

Архив Министерства обороны сохранил наградные листы сержанта, а затем старшины Льва Юрьевича Слёзкина. Воевал он на Волховском фронте, в боях по прорыву блокады Ленинграда был ранен и награждён медалью «За оборону Ленинграда». Командир лёгкого танка Т-60 35-го танкового батальона 29-й танковой бригады старший сержант Слёзкин «20 марта 1943 года первым форсировал реку Волховец и ворвался на передний край обороны противника».

После аспирантуры Лев Слёзкин работал в Институте истории АН СССР. В 1965 году защитил докторскую диссертацию. Затем работал в Институте всеобщей истории, занимался историей США и Латинской Америки, в частности, Кубы. Историки Л. Ю. Слезкин и А. Каждан были единственными, кто выступил в защиту опальной книги «22 июня 1941 года», написанной известным историком, участником войны Александром Некричем.

Слёзкины происходили из дворян Черниговской губернии. В списке награждённых орденом Св. Георгия IV степени значится Лев Иванович Слёзкин (награждён 26 августа 1834 года). Его сыновья Иван (1815–1882) и Михаил (1819–1877) дослужились до генеральских званий.

Иван Львович Слёзкин в звании генерал-лейтенанта исполнял должность начальника Московского губернского жандармского управления. Кроме приведенного в начале настоящей статьи ответа Л. Н. Толстому генерал известен личным участием в расследовании дела об убийстве студента Петровской академии Ивана Иванова и аресте лидера «Народной расправы» Сергея Нечаева³⁰. Значительное потомство оставил генерал-лейтенант Михаил Львович Слёзкин. Его сыновья Алексей и Лев также дослужились до генеральских званий.

Примечания

¹ Ковалёва И. Ю. Л. Слёзкин // Слёзкин Ю. Л. Шахматный ход / сост. ст. Никоненко. М., 1982. С. 3–22.

² РГАЛИ. Ф. 1384. Оп. 1–4. 430 ед. хр. 1873–1949.

³ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 18. 16 л. 1930 – 3 июля 1942–1945.

⁴ Там же. Ед. хр. 93. 1923. 31 авг.

⁵ Ковалёва И. Указ. соч. С. 3.

⁶ Никоненко С. С. Юрий Слёзкин и Владикавказ // Дарьял (Владикавказ). 2008. № 1. URL: http://az.lib.ru/s/slezkin_j_1/text_2008_slezkin-i-vladikavkaz.shtml (обращение 25 сент. 2013 г.).

⁷ (Это явная ошибка, ведь И. Л. Слёзкин умер в декабре 1882 года, а уже 14 сентября 1882 года начальником Московского губернского жандармского управления был назначен генерал-майор Николай Акимович Середа, оставшийся на этой должности до 29 июля 1891 года. Источником ошибки стало заимствование факта, впервые приведённого в воспоминаниях Л. П. Никифорова, опубликованных в 1929 году, причём никто из последующих публикаторов не усомнился в надёжности этих воспоминаний.)

⁸ Иван Михайлович Слёзкин (1882–1944), потомственный дворянин, блестяще окончивший Императорское училище правоведения в Санкт-Петербурге, был вынужден в 1920 году вместе с семьёй эмигрировать на Запад. Автор книги «Моим детям» (Париж, 1936), написанной как духовное завещание выросшим вдали от родины сыну Михаилу и дочери Елене. На русском языке выходила в 2008 и 2013 годах. Его отец возглавлял Рязанскую казенную палату, был известной личностью в губернии.

⁹ Ковалёва И. Указ. соч. С. 4.

¹⁰ Блок А. А. О реалистах // Собр. соч.: в 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 99–129.

¹¹ Кузмин М. А. Заметки о русской беллетристике // Аполлон. 1910. № 9.

¹² Арьев А. Ю. «Что пользы, если Моцарт будет жив...»: Михаил Булгаков и Юрий Слёзкин // Звезда. 2008. № 12.

¹³ РГАЛИ. Ф. 1384. Оп. 2. Ед. хр. 224. 26 л. 1914–1916.

¹⁴ Арьев А. Ю. Жизнь Георгия Иванова: документальное повествование. СПб., 2009. 78 с. URL: <http://www.litmir.net> (обращение 25 сент. 2013).

¹⁵ Константин Иванович Арабажин (1866–1929), статский советник, профессор Гельсингфорского университета на кафедре русской литературы, писатель, редактор. Товарищ председателя Общества им. А. Н. Островского, Общества грамотности, Литературного фонда.

¹⁶ Владимир Владимирович Святловский (1869–1927), действительный статский советник профессор по кафедре политэкономии и статистики Петербургского психоневрологического института, преподаватель Петроградского университета, член совета и член-корреспондент Музея антропологии и этнографии Императорской Академии наук. Жил в доме 2 в 5-й линии Васильевского острова.

¹⁷ Виктор Владимирович Степанов (1868–1950), статский советник, профессор Императорского Александровского лицея, приват-доцент (с 1918 года профессор Петроградского университета. Заведующий статистическим отделом Петербургской городской управы (1906–1917). Заведующий отделом городской статистики ЦСУ, член коллегии ЦСУ (1918–1919). Организовал, возглавлял городское статистическое бюро в Петрограде (1919–1920). Работал в Институте экономических исследований Наркомфина СССР (1922–1927). Преподавал статистику и географию в Петербургском, затем Ленинградском университете (1950). Заслуженный деятель науки РСФСР (1943). Жил на Большой Пушкарской, 65.

¹⁸ Михаил Андреевич Рейснер (1868–1928), учёный-юрист, публицист, социопсихолог и историк. Профессор Петроградского Психоневрологического института, приват-доцент Петроградского университета. Отец писательницы и деятеля РСДРП(б) Ларисы Рейснер. Адрес указан Рубановым ошибочно. В действительности Рейснеры жили в доме 26-б на Большой Зелениной ул. (Весь Петербург на... [1909-1917] год. СПб.; Пг., 1909-1917).

¹⁹ Адрес сомнителен: В 1915 году Слёзкин жил в доме 60-б на Большом проспекте Васильевского острова, в 1916 – в доме 29 на Торговой (Весь Петроград на... [1914 – 1917] год. Пг., 1914-1917).

²⁰ *Рубанов Л.* Клуб «Медный всадник» // Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993. С. 465-473.

²¹ *Иванов Г.* Китайские тени: литературный Петербург 1911–1912 годов // Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993. С. 465–473.

²² *Арьев А. Ю.* «Что пользы...». Указ. изд.

²³ *Дмитриева Е. Е.* Орден картонного короля : опыт литературной карнавализации // НЛО. 2011. № 108 (2/2011); *Романова Ю.* Художественные сообщества: быт, искусство и жизнотворчество. Российско-французская конференция «Художественные сообщества в XX веке» (Москва, ИМЛИ РАН. 4–6 октября 2010 года) // Там же.

²⁴ *Никоненко С. С.* Указ. соч.

²⁵ «Записки...» издавались многократно в составе Собраний сочинений и сборников избранных произведений; *Никоненко С. С.* Указ. соч.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 910. Оп. 1. 9 ед. хр. 1909–1929; Ф. 1384. Оп. 2. Ед. хр. 69. 1922. [Рукопись романа, 3 тетради]. В современной версии роман восстановлен С. С. Никоненко.

²⁷ *Арьев А. Ю.* «Что пользы...». Указ. изд.

²⁸ См., напр.: Воспитание характера : [рассказы] М., 1942; Огневое сердце : [очерк о Герое Советского Союза танкисте Юрии Сагайдачном]. М., 1944.

²⁹ Многократно упоминается в исследовании Ф. М. Лурье «Созидатель разрушения: документальное повествование о С. Г. Нечаеве» (СПб., 1994) и книге того же автора «Нечаев», вышедшей позже в серии «Жизнь замечательных людей».